

После выхода из небольшого храма за Фань Сянем последовали трое. Он не знал, были ли это шпионы Стражи в парчовых одеждах или люди из дворца, но, кем бы они ни были, Фань Сянь сегодня не мог позволить никому следить за собой.

Выковырнув эти три занозы, Фань Сянь удостоверился, что за ним больше никто не наблюдает, и приступил к следующему шагу. Выйдя из переулка, он не сел в повозку, потому что любая возможность контакта с людьми могла оставить зацепки, которые Северная Ци способна была отследить. На мокрой улице прохожих постепенно становилось всё больше, и Фань Сянь, пользуясь прикрытием толпы, опустив голову, молча пошёл среди чужестранцев.

Согласно правилам Контрольной палаты по уходу от слежки, он сейчас должен был найти лавку тканей или что-то подобное, выйти через заднюю дверь и несколько раз свернуть, прежде чем направиться к месту назначения. Но Фань Сянь не воспользовался этим методом: во-первых, он был уверен, что за ним никто не следует, а во-вторых, он считал, что, слишком часто поворачивая, встречаешь слишком много людей, так что заметить его станет только легче. Поэтому он просто, соблюдая осторожность по пути, с неизвестной целью прокрался в усадьбу какого-то чиновника.

К счастью, в это время с неба над столицей снова полил дождь, тихий, но частый, скрывая его следы.

В южной части столицы, рядом с придворной школой музыки, был район, плотно заселённый простым народом под названием Чжанцзядянь. Общество здесь проживало разношёрстное, люди встречались разные, однако общественный порядок в последние годы поддерживался, а расходы на жизнь были невысоки, поэтому постепенно место стало оживляться. Мелкие торговцы, у которых не было больших средств, набрались смелости и, накопив денег, открыли на этой улице несколько лавок, наладив постоянную торговлю.

Это место не сравнится с улицей Сюшуйцзе — здесь продавались только вещи каждодневного обихода. Цены низкие, а качество, естественно, не сочтёшь высоким. Третья лавка, считая с востока, и была таким обычным местом. В ней торговали маслом: привозным пальмовым маслом, доставленным из города Восточных варваров. Хотя оно было дешёвым и неплохим на вкус, цвет его был не слишком приятным, особенно зимой, когда оно покрывалось белыми хлопьями, поэтому обычно зажиточные семьи, где имелось хоть сколько-то денег, предпочитали рапсовое масло из Цидуна.

К счастью, у большинства людей никогда нет свободных денег, так что эта масляная лавка, у которой и вывески нет, могла продолжать существовать. Однако в неё даже лишних людей не нанимали: кроме старого лавочника, там был только один подручный, он же и приказчик.

Сегодня то и дело припускал дождь, здесь, в Чжанцзядяне, прохожих было не так много, и улица казалась пустоватой. Но масляная торговля никак не связана с погодой: тот, у кого закончится масло, естественно, придёт сюда, поэтому лавочник вовсе не беспокоился. Вместо

этого он передвинул длинную скамью и сел в дверях, расслабленно глядя наружу, на дождь.

Должно быть, лавочник действительно был стар: молодому подручному казалось, что в этом году он гораздо больше, чем раньше, сидит сложа руки.

— Хозяин, я хочу купить масла. — У двери лавки стоял человек, заслоня падающий снаружи тусклый свет. Старый лавочник махнул рукой, жестом приглашая его войти.

Вошедший откинул капюшон плаща, непринуждённо улыбнулся, вошёл в лавку и сказал приказчику, который как раз зевнул:

— Молодой человек, я хочу купить масла.

Приказчик с широченной улыбкой спросил:

— Какого масла вы бы хотели? В нашей лавке, помимо пальмового масла, есть недавно доставленное рапсовое масло из Цидуна. — Манеры приказчика были учтивы, однако его самого одолевали подозрения: естественно, люди приходили в их лавку за маслом, зачем ещё это пустословие?

Тот человек ответил:

— Дайте мне полцзиня пальмового масла.

Приказчик звонко отозвался:

— Ладно. — Он проворно налил масла и поставил его на весы, а затем обнаружил, что в руках покупателя ничего нет, и невольно потёр голову. — Уважаемый, а куда вам налить?

— У вас тут есть фляги?

— Есть, деревянная фляга стоит три вэня за штуку. — Парень был очень рад получить дополнительную выручку.

Взяв сосуд с маслом, мужчина ничего не сказал, как будто ещё о чём-то думал.

Приказчик с любопытством спросил:

— Вы хотите чего-то ещё?

— Есть ли кунжутное масло?

Эти слова — «Есть ли кунжутное масло?» — прозвучали очень мягко и не то чтобы громко, но иссохшая правая рука старого лавочника, которой он опирался на скамейку, слегка задрожала.

Приказчик раздражённо ответил:

— В нашей лавке нет таких хороших товаров. Разве кто-то во всём Чжанцзядяне может позволить себе кунжутное масло? — Пока он говорил, старый лавочник неторопливо вернулся к прилавку и рукой сделал приказчику знак уйти. Глядя на покупателя с улыбкой на лице, он объяснил:

— Кунжутное масло слишком дорогое, поэтому никто не покупает его, кроме как для жертвоприношения небу. До дня жертвоприношения небу ещё больше полугода, так что в лавку его ещё не завозили.

Мужчина улыбнулся и сказал:

— Помимо неба, можно также поклоняться и людям.

Лавочник, улыбаясь всё почтительнее и почтительнее, предложил:

— Тогда сообщите мне количество, и мы сможем сделать заказ от вашего имени.

Разговор дошёл до ключевой точки, поэтому они оба понизили голос. У этого человека, видимо, была очень хорошая память, потому что он очень ясно и без малейшей путаницы назвал следующую последовательность весов:

— Я хочу купить семь цзиней, три ляна, девять цяней и четыре хао*... пальмового масла.

Старый лавочник пощёлкал на счётах, а потом с озабоченным выражением лица сказал:

— Что-то не так с ценой. Почтенный купец, пройдёмте в дальнюю комнату и всё обсудим.

— Ну хорошо.

Старый хозяин велел приказчику присматривать снаружи, а затем повёл покупателя в заднюю комнату. Только тогда приказчик понял, что на самом деле этот человек пришёл сюда масло не покупать, а продавать. Он невольно высунул язык, думая про себя, что, к счастью, не обидел только что торговца кунжутным маслом.

Этот торговец кунжутным маслом, естественно, был переодетым Фань Сянем. Он последовал за старым лавочником в заднюю комнату и обнаружил, что место встречи он себе представлял совершенно не так: дневной свет свободно проникал в комнату, и всё было на свету.

Лавочник, не предложив чаю и не произнеся любезностей, уставился в глаза Фань Сяня, и в его тусклом старческом взгляде читалась осторожность. Он спросил:

— Гость прибыл с юга?

Фань Сянь кивнул.

Старик сделал приглашающий жест. Фань Сянь мысленно вздохнул, подумав, что порядок, придуманный Янь Бинъюнем, немного сложноват, но ему ничего не оставалось, кроме как сообщить ещё одно число, которое он крепко-накрепко запомнил.

Только тогда лавочник опознал статус собеседника и расслабился. Дрожа, он долго шарил в рукаве, а потом вынул и положил рядом с рукой ножик с ядом на лезвии. Фань Сянь понял, что, если бы пришедший оказался шпионом государства Ци, старому лавочнику пришлось бы сразу же покончить с собой.

Вот почему Янь Бинъюнь, попав в плен живым, всегда чувствовал себя опозоренным.

Лавочник посмотрел на него и спросил:

— Каковы ваши обязанности в Контрольной палате, господин?

Фань Сянь ответил, покачав головой:

— Я думаю, нынешняя ситуация не позволяет нам тратить время на разговоры.

Лавочник усмехнулся:

— Год прошёл. Целый год я не получал никаких сообщений сверху. После того как с главой случилась беда, двор так и не прислал никого на смену. Я даже думал, двор собирается приказать нам установить режим тишины.

Так называемый режим тишины означал, что после того, как в сети тайных агентов, скрывающихся во враждебном государстве, появится брешь, нужно немедленно прекратить всю деятельность, чтобы избежать разоблачения. Он может растянуться всего на месяц, а

может и на десять лет.

Фань Сянь нахмурился: захват главы, Янь Бинъюня, изначально был самым маловероятным событием в шпионской войне между двумя странами, потому что от самого Янь Бинъюня не требовалось лично передавать домой разведанные или вести рискованные расследования. Но старшая принцесса приложила руку и парализовала всю сеть Контрольной палаты на севере.

Пока Янь Бинъюнь был в руках Северной Ци, императорский двор и Контрольная палата, естественно, не рисковали связываться с его подчинёнными, а могли только сделать перерыв в один год.

— Я надеюсь, что вы все не заржавели тут за этот год.

— Не беспокойтесь, господин. — Лавочник понимал, что, раз этот человек явился принять обязанности господина Яня, он наверняка был чрезвычайно важной фигурой в Палате. К тому же он почувствовал от посетителя слабый запах крови, поэтому отвечал очень осторожно. — Приказывайте, господин.

— Есть три дела, некоторые срочные, некоторые нет. — Фань Сянь смотрел на старика, понимая, что в этом году ему и ещё неизвестно скольким тайным агентам Контрольной палаты, должно быть, пришлось очень туго, они скитались, словно сироты, которым некуда вернуться. Из-за этого он специально говорил мягко: — Самое срочное — немедленно узнать, где держат Сяо Эня. Второе — выяснить настоящую причину разногласий между вдовствующей императрицей и императором.

Вот чего Фань Сянь никогда не понимал: молодому императору, похоже, больше было делать нечего.

Старый лавочник не изменился в лице. Хотя он понимал, что обе эти задачи чрезвычайно трудны, он просто спокойно ждал, пока господин отдаст третий приказ.

— Найти Сяо Эня нужно быстро, а с дворцовыми делами можно подождать, — задумчиво сказал Фань Сянь. — Что касается третьего приказа, я думаю, вы знаете, что внутренняя сокровищница все эти годы занималась контрабандой на севере.

Лавочник прищурился, и впервые его глаза странно заблестели.

— Значит, господин, Палата наконец решила принять меры по поводу Синьяна?

Фань Сянь покачал головой и тихо ответил:

— Выясните... выясните мне всю правду, но чтобы даже волос с их головы не упал. Однако все их незаконные связи, какие возможно, вы должны контролировать. Если в будущем Палата

захочет что-то предпринять, вы должны гарантировать, что в ваших руках достаточно сведений, чтобы полностью выследить их цепочки.

— Понял. — Старый лавочник знал, что это долгосрочное задание и можно не торопиться.

Фань Сянь же думал о другом. Он не знал, то ли его тёща нарочно проверяла его в деле с молодым господином Цуем, то ли ей сейчас нужно было от него одолжение, поэтому пока проявлял терпение. Хотя в Синьяне никогда не знали, что «речи на бумаге» и происшествие во дворце Возвышенной Истины — дело рук Фань Сяня, в ходе противостояния в судебном зале Министерства наказаний конфликт между ним и старшей принцессой постепенно выплыл на поверхность.

* цзинь = 10 лянов сейчас либо 16 лянов в древности, лян = 10 цяней, цянь = 1000 хао. Сейчас цзинь равен 500 г.

<http://tl.rulate.ru/book/96718/3509111>